Спустя несколько дней он добрался до места, где Лангвелл соединялся с другой рекой, стекавшей с темно-серых гор на севере. Он пошел по течению реки, надеясь найти место, где можно безопасно пересечь ее. Прошел день пути, прежде чем он нашел место, где река была достаточно мелкой, чтобы он мог переправиться.

Травянистые берега низко спускались к воде, и река была окаймлена тонкими полосками песка и гальки. Река здесь была шире и мельче, чем в других местах, которые он видел в тот день, хотя воды все еще быстро бежали по ее руслу. Неподалеку, на берегу, стояла небольшая кучка корявых сосен, почти без иголок, согнутых ветрами, которые наверняка завывают в низинах в зимнюю пору.

Несмотря на то что это место было лучшим вариантом для переправы, он все еще не был уверен в своей способности переправиться в целости и сохранности. Чтобы помочь себе в переправе, он нашел длинную толстую ветку, чтобы использовать ее как дополнительную опору против течения воды.

Войдя в прохладную воду, он сразу же обрадовался, что воспользовался этой помощью. Вода закручивалась вокруг него водоворотами и в нескольких случаях грозила опрокинуть его, когда рыхлый гравий и песок речного дна смещались под ним. Добравшись до дальнего берега, он понял, что совершил ошибку.

Небольшой рюкзак, подаренный ему Дэвен, он держал над водой, и любые брызги легко улетучивались эльфийской тканью. К сожалению, его собственная одежда была не такого качества и отяжелела от ледяных горных потоков. Тяжелые шерстяные одежды, которые носили люди из армии Эарнура, стали холодными и свинцовыми под тяжестью речной воды.

Он выругался и с тоской подумал о простых чарах сушки, которым научился в Хогвартсе. Он быстро выпутался из одежды, подаренной ему одним из квартермейстеров армии Эрнура, и выжал ее, после чего принялся разводить костер. За эти недели он стал искусен в этом деле, и вскоре на берегу реки весело потрескивало теплое пляшущее пламя.

Чтобы высушить одежду, даже при наличии костра, потребуется некоторое время, и он стал рассеянно наблюдать за тем, как пламя лижет дрова, которые он навалил на них. Как это часто случалось, его мысли обратились к его все еще нетронутой магии. Как и прежде, он чувствовал ее, это приятное тепло, играющее под кожей, и все никак не мог найти способ высвободить его. За несколько недель, проведенных с Дэвен, он предпринял несколько полусерьезных попыток создать заклинания без палочки. Он так и не нашел причин надеяться на это, и его попытки ни к чему не привели.

Проблема заключалась в том, что он в общих чертах знал о такой возможности. В конце концов, в детстве он много занимался магией в той или иной форме, и даже видел, как Волдеморт управляет этой магией, когда был мальчишкой. Он просто не мог понять, как это сделать.

Заклинания, которым он научился, никогда не могли работать без палочки. Насколько он

помнил теорию, движения палочки были неотъемлемой частью формирования заклинания, а точка фокусировки была необходима, чтобы направить результат.

Магия палочек была на порядок сложнее, чем зелья. Если зельеварение можно было свести к своеобразной поваренной книге - серии инструкций, которым нужно следовать, чтобы достичь определенного результата, - то магия палочек сводилась к заклинаниям.

Он был уверен, что эти заклинания должны выражать какой-то глубокий смысл, как и ингредиенты зелья. Но он не мог понять, как этот смысл появляется. Цветок символизировал жизнь, красоту и смертность - это было ясно. Какой более глубокий смысл можно извлечь из движения палочки или нескольких слов на языке, который был почти, но не совсем, латынью?

За последние недели у него было время подумать об этом, но он так и не пришел к удовлетворительному ответу. Чтобы иметь хоть какую-то надежду на понимание, ему нужно было поэкспериментировать, а пока он был без палочки, а без палочки работать было практически не с чем.

Но он также был без учебника по зельям. Возможно, дело было лишь в необходимости и решимости.

Он сосредоточил свой взгляд на костре перед собой и попытался понять, что же это такое на самом деле. Он понимал, что летит вслепую, так как слабо представлял себе, что именно он хочет попробовать. Он хотел как-то объединить жар огня с влагой, содержащейся в одежде, и выгнать из нее воду.

Тепло... Как он мог описать тепло тому, кто никогда не знал этого чувства? Именно это ему и нужно было сделать: оценить тепло не просто как побочный продукт огня, а как нечто само собой разумеющееся. Тепло было жизнью; оно давало жизнь, поддерживало ее и порождало ее. Между этими двумя вещами не было границы: где жизнь, там и тепло, теплота. Он должен был знать это и полностью проецировать на свою мокрую одежду.

Тепло - это страсть, стремление и решимость довести начатое дело до конца. Как огонь горит до тех пор, пока топливо в нем не закончится, так и он должен был понять, что такое настоящая решимость, если хочет достичь своей цели.

Он сосредоточился на этих двух идеях, пока они не стали почти физическими сущностями. Он чувствовал, как магия внутри него сочувственно бурлит, пока он сосредоточивал эти мысли на мокрой одежде перед ним. Наконец он медленно выпустил собранную магию в воздух и открыл глаза, чтобы взглянуть на свою работу.

Развесистая одежда все еще лежала на земле у потрескивающего костра, тяжелая и мокрая. Может быть, в воздухе стало чуть меньше холода? Стало ли Гарри чуть теплее? Он не был уверен. По всей вероятности, если он и чувствовал холод, то, скорее всего, от огня, а не от недавней магической неудачи.

Он тихо выругался от досады. Ему нужно было найти какой-нибудь способ обратиться к своей магии. Он был практически беспомощен, если на него нападет такая же группа, как та, что была в деревне несколько дней назад. Он был уверен, что ему нелегко будет узнать, как он здесь очутился, - почти наверняка придется с кем-то сражаться.

С раздраженным вздохом он заставил себя подняться на ноги и решил попытаться извлечь из ситуации максимум пользы. Возможно, теплый обед позволит ему на время забыть о своем нынешнем магическом неумении.

По мере того как Гарри продвигался все дальше на восток, погода начала портиться. Надвигалась зима, которая принесла с собой ветер и дождь. Продвижение Гарри сильно замедлилось из-за этих условий, так как подаренная ему одежда быстро промокла насквозь под дождем. В течение всей недели дни так и не стали полностью светлыми, так как над головой нависли грозные тучи.

Но даже в такую холодную и унылую погоду он постоянно находился в поисках пропитания. Даэвен отдала ему большую часть оставшихся припасов вместе со своей сумкой, но он решил использовать их только на крайний случай. Эльфийских припасов хватило бы на много месяцев, а благодаря их волшебной способности утолять голод он мог двигаться в течение многих недель.

Он был рад, что они перестали жечь его некоторое время назад - ни он, ни Дэвен не понимали, как это произошло, но это прекратилось через несколько дней после того, как Дэвен открыто присоединилась к нему в его путешествиях. Еще одна странная способность эльфов. Он очень жалел, что у него не было времени остаться и глубже понять их магию. Казалось, она была частью их самих, такой же естественной, как дыхание, и он не мог представить, как многому мог бы научиться у них.

Конечно, Гермионе было бы очень интересно узнать о них. Гарри с удовольствием улыбнулся этой мысли. Зная Гермиону, она будет искать способ вернуться в Средиземье только ради возможности изучать новую и незнакомую магию.

Именно эти нечастые мысли о доме и друзьях толкали его все дальше и дальше. Ветер и дождь на время усилились, и в северных маршах, по которым он шел, было мало укрытий.

Спустя более недели все более сырых и холодных дней он заметил тень, задумчиво маячившую на горизонте. Огромный темный лес, наполненный древними деревьями и обманчивым шепотом. Огромные стволы стояли вплотную друг к другу, а полог был настолько густым и непроницаемым, что Гарри мог заглянуть в его тенистые глубины не более чем на несколько метров. Воздух леса казался тяжелым и мертвым, до его носа доносился запах гнили и разложения.

http://tl.rulate.ru/book/4278/151921